Поддубцев Руслан Александрович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории русской литературы и журналистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: poddubtsev@gmail.com

«КАЛИШСКИЕ БЕГЛЕЦЫ»: ПОЭТЫ-ФУТУРИСТЫ В ГАЗЕТЕ «НОВЬ»

Данное исследование посвящено ежедневной газете «Новь», которую выпускал А. А. Суворин в 1914–1915 гг. Автор кратко излагает историю издания, анализирует взаимоотношения редакции и приглашенных к сотрудничеству поэтов-футуристов, а также вводит в научный оборот архивные документы. В. Маяковский и его товарищи по цеху получили возможность печататься в «Нови» после начала Первой мировой войны. В этот период на фоне патриотического подъема вражда между литературными группами несколько ослабела. Маяковскому удалось подготовить для газеты только одну страницу поэзии под названием «Траурное ура». Она вызвала полемику, которая является одним из самых ярких эпизодов в истории издания. Быстро выяснилось, что Суворин не был готов к серьезной дискуссии о словесности. Реплики Маяковского выглядели более основательно, поскольку содержали в себе не только критику оппонентов, но и положительную эстетическую программу. В понимании творчества поэт сближался с В. Шкловским и другими формалистами. Непоследовательность Суворина не способствовала росту популярности газеты. Футуристы так и остались чужими для редакционного коллектива и читателей.

Ключевые слова: *А. А. Суворин, А. Боровой, «Новь», футуризм, В. Маяковский, формализм, В. Шкловский.*

Ruslan A. Poddubtsev, PhD in Philology, Senior Lecturer at the Chair of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: poddubtsev@gmail.com

"KALISZ REFUGEES": FUTURIST POETS IN THE NOV NEWSPAPER

The Nov newspaper (1914 – 1915) has a short but vivid history, which is not fully understood. General information about this publication can be found in the memoirs of A. Borovoi, an anarchist and lawyer deeply immersed in the political and journalistic life of Moscow of the 1910s. The Nov newspaper is also mentioned in the fundamental work "Russian Avant-Garde" by A. Krusanov. Using archival materials, the author of this article is trying to figure out what role futurist poets played in the history of the newspaper. Nov's publisher A. A. Suvorin decided to cooperate with V. Mayakovsky and his associates after the start of the

First World War. During this period, the enmity among literary groups lessened due to a patriotic upsurge. Mayakovsky prepared only one poetic page named "The Mournful Hurrah", which caused controversy among the poets, the publisher, journalists and readers. Suvorin was not ready for a serious discussion about literature. Mayakovsky's remarks sounded more persuasive, since they contained not only criticism, but also a positive aesthetic program. In the understanding of art the poet came close to V. Shklovsky and other formalists. The reputation of the newspaper suffered because of Suvorin's inconsistency. Obviously, the futurists remained aliens to the editorial staff and readers. Their formalistic sermon looked rather strange against the background of other materials published in the newspaper.

Key words: *A. A. Suvorin, A. Borovoi, Nov, futurism, V. Mayakovsky, formalism, V. Shklovsky*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.114125

Введение

Газета «Новь» имеет недолгую, но яркую историю. Это издание до сих пор не было объектом пристального внимания исследователей. Общие сведения о газете можно почерпнуть из воспоминаний одного из ее ведущих сотрудников А. Борового, анархиста, юриста, глубоко погруженного в политическую и журналистскую жизнь Москвы 1910-х гг. (Боровой, 2010). Кроме того, «Новь» не раз упоминается в фундаментальном труде А. В. Крусанова «Русский авангард» (Крусанов, 2010). Существуют также важные архивные материалы, нуждающиеся в публикации. Нас интересует, какую роль в истории газеты сыграли поэты-футуристы.

Обратимся к мемуарам Борового. Вот данная им предельно краткая характеристика: «"Новь" была газетой недолговечной. Она прожила четыре, пять месяцев в 1914 г. (январь – апрель), приостановилась в связи с временными финансовыми затруднениями ее руководителя и "хозяина" – А. А. Суворина, возобновилась с началом войны, просуществовала месяца три и угасла навсегда по причинам, лежавшим уже в природе личного своеобразия самого Суворина» (Боровой, 2010: 32). Если точнее, издание выходило ежедневно с 15 января по 31 мая 1914 г. и с 15 ноября 1914 г. по 3 января 1915 г. Его тираж быстро достиг нескольких десятков тысяч экземпляров. «Новь» не придерживалась строгого направления и ориентировалась на массового читателя, проявлявшего тягу к самообразованию. Литературный отдел газе-

ты отличался консервативностью. С началом Первой мировой войны «Новь» заняла оборонческую позицию.

Летом 1914 г. заметно изменились общественные настроения. Война отодвинула на задний план интерес к искусству, в том числе к авангардной поэзии. Футуристы, как и многие другие литераторы, поначалу были охвачены патриотическим порывом. Так, В. Маяковский и В. Хлебников собирались идти добровольцами на фронт – им помешала политическая неблагонадежность. Все это на время сблизило представителей разных художественных групп, создало почву для продуктивного взаимодействия. А. В. Крусанов весьма удачно резюмирует: «Если до войны футуристы противопоставляли себя обществу, то теперь тактика противостояния и конфронтации уступила место тактике сотрудничества. И это равноправное сотрудничество свидетельствовало о том, что отношение некоторой части общества к футуризму изменилось: статус озорников и шарлатанов утратил актуальность, и футуристы были признаны в качестве деятелей искусства» (Крусанов, 2010: 484). Поэтому неудивительно, что осенью 1914 г. тексты футуристов появились в газете «Новь». Впрочем, были и более насущные причины.

Во-первых, поэтические вечера, которые устраивали В. Маяковский, Д. Бурлюк и прочие будетляне, уже не имели того коммерческого успеха, который им сопутствовал в довоенное время. Да и количество концертов сократилось. Нужно было искать новые источники заработка. А во-вторых, едва ли не решающую роль сыграл имульсивный темперамент Суворина. Еще раз процитируем Борового. Он вспоминает: «Когда началась мировая война и футуристы пели ей пламенные дифирамбы, Суворин задумал отвести поэзии в “Нови” постоянное место. Как-то обратился ко мне: “Алексей Алексеевич... Попечатаем футуристов. Нам необходимо поддерживать новые литературные течения. Поговорите с Маяковским, Большаковым, Шершеневичем... Возьмите дело на себя, будьте хозяином еженедельной футуристической страницы”» (Боровой, 2010: 36). Судя по всему, издатель рассчитывал на то, что скандальные имена привлекут новых подписчиков.

Маяковский печатался в «Нови» с 15 ноября по 29 декабря. Именно его статья «Теперь к Америкам!» стала первым выступлением футуристов в суворинской газете[1]. Хрупкое перемирие

между авангардными поэтами и публикой, о котором пишет А. В. Крусанов, было скреплено такими словами: «Теперь жизнь усыновила нас. Боязни нет. Теперь мы ежедневно будем показывать вам, что под желтыми кофтами гаеров были тела здоровых, нужных вам, как бойцы, силачей. Сделаем так, чтоб уже никто не посмел лить в наши горна воду недоверия»[2]. Рядом поместили объявление: «В газете "Новь" раз в неделю, по четвергам, будет выходить страница поэзии и литературы. Всякое произведение, имеющее свое, оригинальное, новое лицо, найдет в ней место. Рукописи присылайте: Мамоновский переулок, 12, редакция "Нови", В. В. Маяковскому»[3]. Естественно, найти свое место на полосе могло не любое новаторское произведение. Маяковский намеревался привести в газету, прежде всего, своих товарищей по цеху.

Отклик читателей последовал мгновенно. Уже в следующем номере сотрудникам редакции пришлось объясняться. В небольшой заметке «Футуристы ли – "Новь"?!» читаем: «Нет, мы не футуристы и не футуризму мы хотим дать поддержку. Мы видим в молодых группах литературы творческие стремления, и вот им, этим творческим силам, мы хотим дать возможность говорить с эстрады, хотя бы силы эти и были – бунтующие... пока... Мы поставили условием г. Маяковскому – отсутствие приходской партийности...»[4]. Тут же было предоставлено слово виновнику смуты. В статье «И нам мяса!» Маяковский, в частности, восклицал: «Приходите! Встретим достойно каждого. Лишь бы между его глазами и жизнью не маячила тучная фигура Апухтина, лишь бы чист был язык, а не изъеден фразами "маститых"»[5].

Забегая вперед, отметим, что, помимо самого Маяковского, внимания редакции удостоились К. Большаков, Б. Пастернак, Н. Асеев и Д. Бурлюк. То есть избежать «приходской партийности» все-таки не удалось. Идея Суворина не была реализована в полной мере. Футуристы воспользовались ситуацией и выступили с серией публикаций.

18 ноября увидела свет статья Маяковского «Не бабочки, а Александр Македонский». В ней был выдвинут один из самых важных футуристических тезисов: «Цель поэта – слово»[6]. По мнению Маяковского, темы и сюжеты переходят по наследству от одной эпохи к другой. Как правило, писатель не высказывает новых мыслей, но находит уникальное выражение для старых. В понима-

нии творчества будетляне сближались с опоязовцами, которые в середине 1910-х гг. закладывали основы формализма.

Поначалу Суворин защищал Маяковского от нападок раздраженных читателей. 19 ноября он настойчиво писал: «Пусть статьи г. Маяковского только “наглость”. Однако он берется и что-то сделать нужное для литературы, для молодой литературы, сделать со своими товарищами и другою молодежью...»[7]. Вот как издатель представлял себе миссию газеты: «В белом переднике хирурга, с засученными рукавами, вымытыми руками она кладет здоровую шпанскую мушку на гнойный лишай нашей закоснелой литературщины, затянувшей дорогое ей лицо русской литературы»[8]. В действительности «Новь» не была готова к радикальным действиям. Быстро выяснилось, что Суворин не пойдет дальше банальной метафоры.

В том же номере Маяковский напечатал статью «Россия. Искусство. Мы», в которой утверждал, что поэзия футуристов вытекает «не из подражания вышедшим у “культурных” наций книгам, а из светлого русла родного, первобытного слова, из безымянной русской песни»[9]. Речь идет главным образом о произведениях Хлебникова, Крученых и других авторов, часто использовавших неологизмы и заумь. Не все будетляне были склонны к этому, но характерная тенденция выявлена Маяковским верно. Известно, что литературный модернизм черпал сюжеты, приемы и лексику из фольклора. Забытые слова звучали по-новому, рождали непривычные ассоциации.

В период с 20 по 23 ноября конфликт между футуристами и их критиками достиг кульминации. 20 ноября «Новь» напечатала единственную страницу поэзии, подготовленную Маяковским. Она называлась «Траурное ура» и была посвящена войне[10]. Футуристы приветствовали обновление мира, к которому, как им казалось, должно было привести столь масштабное вооруженное столкновение. Например, Асеев писал:

Пусть рушатся зданий камни в огне.
На растерзание пусть исказится за чертою черта
Поношенной морды мира...[11]

Интересно, что Суворин на одной из соседних страниц, в сущности, отрекся от поэтов, которых сам же поддержал: «Вы думаете, я буду защищать “Траурное ура!”? Мне кажется, слишком много старчества оплетено кругом этой молодости. В чем тут слова моло-

дой силы?»[12] Такая очевидная непоследовательность едва ли способствовала росту популярности газеты и формированию положительной репутации издателя.

Мысль Суворина о *старчестве* футуристов тут же была подхвачена. В следующем номере в рубрике «На неотложные темы» со статьей «Старички» выступил Н. Раевский. Он говорил уже не только о тех авторах, чьи фамилии появились под заголовком «Траурное ура», но и об их единомышленниках, то есть о всей эстетической группе. Раевский иронизировал: «Позвольте представить вам “молодых людей”: Большаков... Маяковский... Бурлюк... Хлебников... Пастернак...»[13]. И далее: «Да, что вы? Старички – и больше ничего. Вы родились от отцов-упадочников. Воспитались в нездоровой атмосфере фешенебельных ресторанов. И состарились, не начав жить»[14]. Творчество футуристов не напрасно соотносится здесь с творчеством символистов, непочтительно названных упадочниками. Несмотря на то что смена направлений в начале XX в. осуществлялась революционным путем, преемственность в литературном процессе все же наблюдается. Вспомним статью Н. Гумилева с показательным названием «Наследие символизма и акмеизм», опубликованную в 1913 г. в журнале «Аполлон». Футуристы, как и акмеисты, имели полное право на поэтическое наследство 1890–1900-х гг. Однако они, без сомнения, далеко не во всем пошли за отцами.

Отказав *старичкам* в художественном новаторстве, теоретической актуальности и исторической прозорливости, Раевский безапелляционно подвел итог: «Футуристов *забыли* <...> Все силы народа устремлены *к будущему*. И явятся вожди и пророки этого радостного творческого стремления. Они принесут и новые слова, сильные, яркие, задушевные, и новые чувства, и новые прозрения. Откуда придут они? Из *народа*»[15].

Перед нами противостояние консерваторов и модернистов. Парадоксальным образом литературная практика будетлян связывается не с будущим, а с прошлым. Разве не так же, прикрываясь ложным демократизмом и прибегая к грубости, советские критики позже станут бороться с формализмом, утверждая казенный реализм?

23 ноября Маяковский уверенно отвечает Суворину и Раевскому в статье «Без белых флагов». Вот его основные тезисы. Первый: «Для поэта важно не что, а как»[16]. Второй: «Надо еще показать, что

жестокость и неверность нашей речи – не косноязычие юнцов, а обдуманная измена новаторов»[17]. Третий: «Нам слово нужно для жизни. Мы не признаем бесполезного искусства»[18]. Лидер футуристов, с одной стороны, дает понять, что изначально не рассчитывал на поддержку издателя «Нови», а с другой – отмежевывается от символистов брюсовского круга, которые в поэзии ценили, прежде всего, мастерство. Маяковский, в отличие от обоих оппонентов, более основателен и теоретичен. Не ограничивась ироничными замечаниями, он излагает собственную эстетическую программу.

Днем позже Суворин подводит черту. И снова в его словах видна непоследовательность. Ранее он говорил о *старчестве* футуристов, а теперь называет стихотворение Большакова и отдельные строки из стихотворения Маяковского превосходными и завершает полемику так: «Из-за чего шум? Вы получили на четырех столбцах одно прекрасное стихотворение. Как много можно набрать толстых журнальных книжек, в которых и этого не найдется...»[19] Ясно, что Суворин не был готов к серьезной дискуссии о литературе. Его в то время гораздо больше занимали поиски так называемого *нового человека*[20]. Среди футуристов он новых людей не обнаружил и потому разочаровался. Об этом свидетельствует Боровой: «Роман с футуристами продолжался недолго. Недели через три Суворин заявил: надо покончить с футуристической страницей. Чепуха! Из-за одного хорошего стихотворения не стоит портить столько бумаги. Моя “защита” успеха не имела. Суворин охладел» (Боровой, 2010: 37). А. В. Крусанов полагает, что камнем преткновения стали деньги: «Коммерческие интересы издателя, которому приходилось считаться со вкусами публики, оказались важнее пропаганды творчества молодых поэтов» (Крусанов, 2010: 519). Как бы то ни было, стихотворные опыты футуристов перестали появляться на страницах газеты «Новь». Их место заняли более традиционные сочинения Ф. Чернова и В. Горянского. Однако провокационные статьи Маяковского по-прежнему печатались.

В номере от 27 ноября находим его очередное выступление под названием «Война и язык». Эта статья заключает в себе концептуальный посыл. Стилистически она напоминает прозу В. Шкловского, к которому апеллирует Маяковский в одном из абзацев. Главный постулат: «Каждое чувство, каждый предмет вырастает

вон из одежды слова. Одежда треплется. Надо менять»[21]. Речь идет о том, что Шкловский в знаменитой статье «Искусство как прием» называл автоматизацией и остранением. Еще один постулат – «сделать язык русским»[22]. Маяковский предлагает создавать неологизмы, опираясь на законы русского языка. И резюме: «Пересмотр арсенала старых слов и словотворчество – вот военные задачи поэтов»[23]. Сближение футуристов и формалистов бросается в глаза. Очевидно, что первые внимательно следили за деятельностью последних.

После двухнедельного молчания Маяковский публикует статью «Будетляне». Примечательно, что в ней поэт, вторгаясь на территорию издателя «Нови», размышляет о новых людях. Вероятно, это был осознанный ответ Суворину. Рожденного мировой войной человека Маяковский называет будетлянином, то есть пытается вернуть футуристам монополию на будущее. Полемизируя с Сувориным, делавшим ставку на физические упражнения и духовный рост, он прямо заявляет: «Этот новый человек не таинственный йог, за которым надо гоняться по опасной Индии; это не одинокий отшельник, для новизны бегущий в пустыню»[24]. Поэт убежден в превосходстве коллективизма над индивидуализмом: «Сознание, что каждая душа открыта великому, создает в нас силу, гордость, самолюбие, чувство ответственности за каждый шаг, сознание, что каждая жизнь вливается равноценною кровью в общие жилы толп, – чувство солидарности, чувство бесконечного увеличения своей силы силами одинаковых других. Все это вместе создает нового человека: бесконечно радостного оптимиста, непоборимо здорового!»[25].

Маяковский увереннее чувствовал себя в роли учителя жизни, чем Суворин – в роли литературного критика. В каком-то смысле последнее слово осталось за лидером футуристов. Маяковский еще дважды появлялся на страницах «Нови» со статьями. Оба текста посвящены не стихосложению, а живописи. 20 декабря напечатана статья «Как бы Москве не остаться без художников», а 29 декабря – статья «Бегом через верниссажи» (так. – *Р.П.*). Их общая идея сводится к тому, что Москве нужно учебное заведение, в стенах которого ни в чем не ограничивали бы неординарных художников. Процитируем только два небольших фрагмента. Первый: «Боритесь за создание новой свободной академии, выйдя из которой могли бы диктовать одряхлевшему Западу русскую волю, дерзкую волю Вос-

тока!»[26]. Второй: «Ежегодная чистка училища от сколько-нибудь проявляющих самостоятельность учеников сделала ученические картины или робкими классными этюдами с натурщика, или более или менее добросовестной копией с профессора»[27]. О поэзии Маяковский не говорит, но самое главное уже сказано.

Футуристам больше нечего было делать в газете Суворина. Да и самой газеты совсем скоро не стало. 29 декабря 1914 г. вышла последняя статья Маяковского, а 3 января 1915 г. – последний номер. Полемика вокруг страницы «Траурное ура» является одним из самых ярких эпизодов в истории «Нови»[28]. Маяковский в уже упоминавшейся статье «Без белых флагов» писал: «Мы для газеты – калишские беглецы»[29]. То есть иноземцы, получившие кров и защиту. Очевидно, что футуристы так и остались чужаками для редакционного коллектива и читателей. Их формалистическая проповедь выглядела странно на фоне прочих материалов.

Приложение[30]

Письмо Ю. Бочарова к А. Боровому

Января 3 дня 1915 г.

Дорогой Алексей Алексеевич!

“Великолепные нелепости” “Нови” кончились, кричим “траурное ура”!

Посылаю Вам остатки наследства – книги – и 111 руб. 25 коп. (из них 100 руб. – жалованье за 2 недели, 11 руб. 25 коп. – гонорар), полученных сегодня по Вашей доверенности в конторе.

С сегодняшнего утра, с той минуты, как “грудой пепла стал Пергам”, по пустым комнатам редакции бродят три-четыре быстро дичающих сотрудника и буйная чернь – рассыльные – ропщущая, недовольная. Кое-где стучат молотки – это сдирают со стен карты полковника Алексеева (я слышу этот стук – и нацеливаюсь на карту австрийского штаба. Знаете, в большой комнате?...)

Один только редакционный Фирс, “дедушка”, снимавший с нас пальто, сохраняет обычное настроение. Боюсь, как бы его не “забыли” здесь...

А может быть, не без задней (несомненно садистического происхождения) мысли его оставляют сторожить пустые вешалки – разле-

тится в редакцию какой-нибудь неведающий репортер, увидит пустоту – будет, по крайней мере, к кому обратиться с вопросом...

Новый стук! Кажется, судебный пристав. Или же скупщик старья. Так пока до свиданья! Буду звонить по телефону.

А знаете, что больше всего удивляет меня – не то, что мы кончились, нет! – до сих пор мне не звонила наша общая знакомая. Представьте!

Ваш Ю. Бочаров.

Мой поклон Эмилии Васильевне[31].

Примечания

[1] Фактически сотрудничество с Сувориным началось раньше. 12, 13 и 14 ноября Маяковский опубликовал три заметки в приложении «Утренний телефон газеты "Новь"».

[2] *Маяковский В. В.* Теперь к Американ! // Новь. 1914. Ноябрь, 15.

[3] Там же.

[4] Футуристы ли «Новь» // Новь. 1914. Ноябрь, 16.

[5] *Маяковский В. В.* И нам мяса! // Там же.

[6] *Маяковский В. В.* Не бабочки, а Александр Македонский // Новь. 1914. Ноябрь, 18.

[7] *Порошин А.* Листки журналиста // Новь. 1914. Ноябрь, 19. Суворин публиковался под псевдонимом Алексей Порошин.

[8] Там же.

[9] *Маяковский В. В.* Россия. Искусство. Мы // Там же.

[10] См.: Траурное ура // Новь. 1914. 20 нояб. На странице было помещено пять стихотворений («Бельгия» Большакова, «Мама и убитый немцами вечер» Маяковского, «Артиллерист стоит у кормила» Пастернака, «Разрубленное, как вы» Асеева, «Доверие героям» Д. Бурлюка), а также рассказы «Давно прошедшее» Маяковского и «Кисть и штык» Д. Бурлюка (под псевдонимом Д. Михневич).

[11] Там же.

[12] *Порошин А.* Листки журналиста // Там же.

[13] *Раевский Н.* На неотложные темы // Новь. 1914. Ноябрь, 21.

[14] Там же.

[15] *Раевский Н.* Указ. соч.

[16] *Маяковский В.* Без белых флагов // Новь. 1914. Ноябрь, 23.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] *Порошин А.* Листки журналиста // Новь. 1914. Ноябрь, 24.

[20] В 1914 г. выходит второе (дополненное) издание книги Суворина «Новый человек». См.: *Суворин А. А.* Новый человек. – СПб: Новый человек, 1914.

[21] *Маяковский В. В.* Война и язык // Новь. 1914. Ноябрь, 27.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] *Маяковский В. В.* Будетляне // Новь. 1914. Дек., 14.

[25] Там же.

[26] *Маяковский В. В.* Как бы Москве не остаться без художников // Новь. 1914. Дек., 20.

[27] *Маяковский В. В.* Бегом через верниссажи // Новь. 1914. Дек., 29.

[28] Об этом свидетельствует хотя бы то, что секретарь редакции Ю. Бочаров, сообщая Боровому о закрытии газеты, обыгрывает название страницы поэзии, подготовленной Маяковским. См. приложение.

[29] *Маяковский В.* Без белых флагов // Новь. 1914. Ноябрь, 23.

[30] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 290. Л. 2-3. Предоставлено Н. А. Богомоловым.

[31] Жена А. Борового.

Библиография

Боровой А. А. Моя жизнь: Фрагменты воспоминаний // Московский журнал. 2010. № 10. С. 20–40.

Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 514, 519.

Notes

Futuristy li «Nov» (1914) [Doubtful if Nov is Futuristic]. Nov. 16 Nov. (In Russian)

Mayakovsky V. (1914) *Begom cherez vernissazhi* [At a Run Through Vernissages] Nov. 29 Dec. (In Russian)

Mayakovsky V. (1914) *Bez belykh flagov* [Without White Flags]. Nov. 23 Nov. (In Russian)

Mayakovsky V. (1914) *Budetlyane* [Budetliane]. Nov. 14 Dec. (In Russian)

Mayakovsky V. V. (1914) *I nam myasa!* [We Want Meat, Too]. Nov. 16 Nov. (In Russian)

Mayakovsky V. (1914) *Kak by Moskve ne ostatsya bez khudozhnikov* [What if Moscow Is Left Without Artists]. Nov. 20 Dec. (In Russian)

Mayakovsky V. V. (1914) *Ne babochki, a Aleksandr Makedonsky* [Not Butterflies but Alexander the Great]. Nov. 18 Nov. (In Russian)

Mayakovsky V. V. (1914) *Rossiya. Iskusstvo. My* [Russia. Art. We]. Nov. 19 Nov. (In Russian)

Mayakovsky V. V. (1914) *Teper k Amerikam!* [And Now to Americas!]. Nov. 15 Nov. (In Russian)

Mayakovsky V. (1914) *Voyna i yazyk* [The War and the Language] Nov. 27 Nov. (In Russian)

Poroshin A. (1914) *Listki zhurnalista* [The Journalist's Notes]. Nov. 19 Nov.

Rayevsky N. (1921) *Na neotlozhnye temy* [On Urgent Issues]. Nov. 21 Nov. (In Russian)

RGALI. F. 1023. [Russian State Archive of Literature and Art. F. 1023]. (In Russian)

Suvorin A. A. (1914) Novy chelovek [A New Man]. Saint-Petersburg. (In Russian)

Traurnoye ura (1914) [The Mournful Hurrah]. Nov. 20 Nov. (In Russian)

References

Borovoy A. A. (2010) Moya zhizn: Fragmenty vospominany [My Life: Fragments of Memories]. *Moskovsky zhurnal* 10: 20–40. (In Russian)

Krusanov A. V. (2010) *Russky avangard: 1907–1932 (Istorichesky obzor)* V 3 t. T. 1. Boyevoye desyatiletiye. Kn. 2. [Russian Avant-Garde: 1907–1932 (A Historical Overview) In 3 vol. Vol. 1. The War Decade. Book 2]. Moscow: New Literary Observer Publ. Pp. 514, 519. (In Russian)

Поступила в редакцию
17.01.2019